

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ «ВСЕЯ РУСИ» В ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ТИТУЛАТУРЕ
XIV–XV в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВ XIV–XV в.)

Определение «всея Руси» — это так называемая объектная часть официального титула великих владимирских князей. Оно, являясь дополнением к статусной части великокняжеского титула, обозначало территорию, на которую распространялась власть великого князя.

В историографии вопроса об употреблении определения «всея Руси» в составе титула великого князя к настоящему времени обозначились две проблемы: хронология употребления и преемственность. С. М. Соловьев и К. Н. Бестужев-Рюмин считали, что первым князем, который стал использовать титул «великий князь всея Руси», был Иван Калита¹. Историки отталкивались от грамоты Ивана Калиты печорским сокольникам. М. А. Дьяконов, указав на послание патриарха Нифонта великому князю Михаилу Ярославичу, показал, что определение «всея Руси» присоединялось великими князьями к своему титулу ранее Калиты². Это мнение поддержали такие исследователи, как В. Л. Янин, Б. А. Успенский и А. А. Горский³. При этом А. А. Горский указывает на применение определения «всея Руси» в титуле киевских князей⁴. С. Н. Кистерев⁵ доказывает, что титул «великий князь всея Руси» существовал в Древнерусском государстве и что правом на данный титул со времени Всеволода Ярославича обладали князья, занимавшие киевский великокняжеский стол, а с середины XIII в. — Александр Ярославич (Невский) и его преемники на владимирском престоле. Общим же в историографии является мнение о том, что дополнение «всея Руси» внутри государства утвердилось с 1479 г., а во внешних сношениях — с 1485 г.⁶

В тесной связи с вопросом о хронологии употребления в великокняжеском титуле определения «всея Руси» стоит выяснение причин, вызвавших применение расширенной формы титула. Н. М. Карамзин хоть и назвал Ивана Калиту собирателем земли Русской, внимания титулу этого князя не уделил. С. М. Соловьев отметил лишь, что «уже Иоанн Калита называется великим князем всея Руси и потом все его преемники»⁷. К. Н. Бестужев-Рюмин принятие Калитой этого титула поставил в связь с объединительной политикой московских князей⁸. С идеей объединения Руси связал появление титула и М. А. Дьяконов⁹.

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 2. Т. 3–4. С. 538; Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 395. О том, что «великим князем всея Руси» стал именовать себя Иван Калита, писал и Д. И. Иловайский (Иловайский Д. И. Собиратели Руси. М., 1996. С. 27).

² Дьяконов М. А. Кто был первый великий князь всея Руси? // Библиограф. 1889. № 1. С. 13.

³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV в. М., 1970. Т. 2. С. 26–27; Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее переосмысление). М., 1998. С. 333; Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 45, 75.

⁴ Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития. С. 102, прим. 160.

⁵ Кистерев С. Н. «Великий князь всея Руси» в XI–XV веках // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6. С. 76–84. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность А. А. Горскому, указавшему на статью С. Н. Кистерева. Отметим, что А. А. Горский ранее С. Н. Кистерева выявил случаи употребления определения «всея Руси» в составе великокняжеского титула в домонгольский период (см.: Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития. С. 102, прим. 160).

⁶ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1967. С. 123; Каптанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 123; Кучкин В. А. О времени написания Буслевской псалтири // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 223–224; Лаушкин А. В. К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1995. № 6.

⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. С. 538.

⁸ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. С. 395.

⁹ Дьяконов М. А. Кто был первый великий князь всея Руси? С. 12. В настоящее время этого мнения придерживается, например, С. Н. Кистерев. Он полагает, что употребление расширенной формы титула в послании патриарха Исидора великому князю Семену Ивановичу было связано с тем, что она была принята самими московскими князьями (Кистерев С. Н. «Великий князь всея Руси» в XI–XV веках. С. 71).

На основании того, что титул «великий князь всея Руси» содержится в грамоте патриарха Нифонта к Михаилу Ярославичу, М. А. Дьяконов пришел к заключению, что этот титул был принят, начиная с Михаила Ярославича, самими великими князьями¹⁰. Кроме того, М. А. Дьяконов, исследуя условия, в которых великий князь Михаил Ярославич принял титул «великий князь всея Руси», пришел к выводу, что Михаил Ярославич и Иван Калита ввели в свой титул «прибавку» «всея Руси» после того, как им удалось заручиться поддержкой русского митрополита¹¹. Резонным в свете этих сведений был заключительный вывод историка: «Давно уже была высказана догадка, что титул великого князя всея Руси составлен Иваном Даниловичем, быть может, в подражание титулу митрополита. На основании вышеизложенного догадка эта в значительной мере подкрепляется»¹². Догадка, о которой говорил М. А. Дьяконов, принадлежала К. Н. Бестужеву-Рюмину, который рассматривал грамоту Ивана Калиты печорским сокольникам и отметил, что она замечательна тем, что «в ней встречается титул “князь велики Иван Данилович всея Руси”, быть может, составленный в подражание митрополита». Но при этом К. Н. Бестужев-Рюмин сомневался в достоверности сведений, сообщаемых грамотой¹³.

Мнение о подражании великими князьями в титуле русскому митрополиту было поддержано также А. Е. Пресняковым¹⁴, А. А. Шахматовым¹⁵, А. Н. Насоновым¹⁶, Г. В. Вернадским¹⁷, Б. А. Успенским¹⁸ и А. А. Горским¹⁹. Несогласие с мнением о церковном происхождении слов «всея Руси» было высказано Х. Ловмянским. На основании имеющегося в тексте Лаврентьевской летописи под 1249 г. словосочетания «вся Русская земля» Х. Ловмянский утверждает, что выражение «всея Руси» (для XII в., по Ловмянскому, оно носило книжный характер, а при Александре Ярославиче превратилось из книжного в официальное) было сопряжено с обладанием Киевом, а митрополиты присвоили его себе в подражание «гражданской» терминологии²⁰. Х. Ловмянский оспорил также мнение М. А. Дьяконова, когда заключил, что «можно догадываться, что оно (определение «всея Руси». — С. Б.) было передано традиционным путем от Александра Невского его внуку по прямой линии Ивану Калите (в то время как тверской Михаил Ярославич принадлежал к боковой линии потомков Александра)»²¹.

Мысль о связи титула с централизаторской политикой Москвы отчетливо выразил В. О. Ключевский: «В московских правительственных, особенно дипломатических, бумагах с той поры является новый, более торжественный язык, складывается пышная терминология, незнакомая московским дьякам удельных веков». «Между прочим, — говорил В. О. Ключевский, — для едва воспринятых политических понятий и тенденций не замедлили подыскать подходящее выражение в новых титулах, какие появляются в актах при имени московского государя. Это целая политическая программа, характеризующая не столько действительное, сколько искомое положение. В основу ее положены те же два представления, извлеченные московскими правительственными умами из совершавшихся событий, оба этих представления — политические притязания: это мысль о московском государе как о национальном властителе всей Русской земли и мысль о нем, как о политическом и церковном преемнике византийских императоров». Резюме историка было таким: «Иван III впервые отважился показать европейскому политическому миру притязательный титул государя всея Руси, прежде употреблявшийся в домашнем обиходе, в актах

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же.

¹³ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. С. 395. Примеч. 19.

¹⁴ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 352.

¹⁵ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 77.

¹⁶ Насонов А. Н. Монголы и Русь. М., 2002. С. 295. Примеч. 1.

¹⁷ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 2000. С. 208.

¹⁸ Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России. С. 332—333.

¹⁹ Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. С. 45.

²⁰ Ловмянский Х. Русско-литовские отношения в XIV—XV в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 270—271.

²¹ Там же. С. 271.

внутреннего управления»²². Как можно понять, В. О. Ключевский отнес закрепление за московскими князьями титула «великий князь всея Руси», выражавшего политическую программу, ко времени Ивана III, а возникновение этого титула он связал с объединительной политикой московских князей, проводившейся ими в предшествующий период.

Это наблюдение В. О. Ключевского, впрочем, как и его предшественников, хоть и негласно, принималось затем всеми отечественными историками. Выясняя конкретные причины появления определения «всея Руси» в составе великокняжеского титула, исследователи неизменно ведут речь о централизаторской политике Москвы²³. Так, С. М. Каштанов считает, что титул «великий князь всея Руси» возник еще в XIV в. на почве взаимоотношений великих князей с Новгородом²⁴. Но в другой своей работе С. М. Каштанов, анализируя появление «ломаной» формы великокняжеского титула (титул, окружающий имя со всех сторон, определение «всея Руси» образует вторую половину титула), поставил его в связь с включением определения «Русский» или «Русские земли» в титул литовских великих князей и польских королей, что произошло в 30–40-е годы XIV в.²⁵ Ко мнению С. М. Каштанова о том, что определение «всея Руси» в составе титула появилось на почве отношений с Новгородом, с осторожностью относится С. Н. Кистерев²⁶.

В. А. Кучкин связал закрепление за Иваном III титула «великий князь всея Руси» с присоединением Тверского княжества в 1485 г. и заметил, что до середины 1485 г. титул «великий князь всея Руси» присутствует на актах, относящихся к вновь присоединенным территориям — Белоозеру, Перми, Двине²⁷. О связи употребления в титуле Ивана III элемента «всея Руси» с покорением Твери писал также А. А. Зимин²⁸. В. А. Кучкин согласился с выше обозначенной мыслью В. О. Ключевского при анализе московско-новгородского договора «О одиначестве»²⁹.

Не вызывает сомнения, что появление титула «великий князь всея Руси» было связано с объединительной политикой великих князей, которая приобретала разные формы (от обороны, защиты прав на верховенство до наступления и расширения своих владельческих прав). Однако представление о подражании великих князей титулу русского митрополита должно быть доказано. Кроме того, мысль В. О. Ключевского об употреблении титула с определением «всея Руси» «лишь в домашних делах, в актах внутреннего управления» встречает несогласие со стороны исследователей, не признающих хождение титула «великий князь всея Руси» внутри Северо-Восточной Руси, по крайней мере, до 1479 г., что составляет очевидную историографическую проблему.

Необходимо отметить, что расхождение исследователей во мнении о хронологии употребления дополнения «всея Руси» в великокняжеском титуле во многом обуславливается отношением авторов к тем источникам, изучение которых позволяет сделать тот или иной вывод. Так, например, В. Пельтца, ссылаясь на степень сохранности документов, содержащих титул в виде «великий князь всея Руси», сделал вывод о том, что Иван III принял полный титул не позднее июля 1482 г.³⁰ С. Н. Кистерев,

²² Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т.: Курс русской истории. М., 1988. Ч. 2. С. 115.

²³ См., например: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1900. С. 162.

²⁴ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. С. 123. С. М. Каштанов пишет: «Именно сношения с Новгородом были той почвой, на которой возник титул великого князя “всея Руси” еще в XIV в. Вместе с тем только Новгородской областью его применение долгое время и ограничивалось». При этом исследователь уточнил свою мысль: «Подчинение именно Новгорода, а не Твери послужило исходным моментом распространения титула великого князя “всея Руси”» (Там же. С. 123. Примеч. 194 а).

²⁵ Каштанов С. М. Интитуляция русских княжеских актов X—XIV в. (Опыт первичной классификации) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8.

²⁶ Кистерев С. Н. «Великий князь всея Руси» в XI—XV веках. С. 49—50.

²⁷ Кучкин В. А. О времени написания Буслаевской псалтири. С. 223—224.

²⁸ Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 64.

²⁹ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 115—116.

³⁰ Указание на вывод В. Пельтца дано по работе С. Н. Кистерова: Кистерев С. Н. «Великий князь всея Руси» в XI—XV веках. С. 51—52.

наоборот, отстаивает позицию, что присутствие расширенной формы титула великого князя в источниках, даже сохранившихся в виде позднейшей копии, не может быть расценено как поновление титула при переписывании. При этом С. Н. Кистерев склонен связывать присутствие или отсутствие в документах расширенной формы великокняжеского титула с «непоследовательностью великих князей и их министралов на практике»³¹.

С. Н. Кистерев, без сомнения, прав в том, что суждение о появлении дополненной формы титула как о следствии деятельности изготовителя копий документов нуждается в специальном доказательстве, каковым ссыла на копийность являться не может. Ученый, будучи сторонником мнения о юридическом происхождении титула «великий князь всея Руси», в своем основательном исследовании приводит, как кажется, совершенно неоспоримые доказательства того, что интересующий нас титул применялся в юридической практике уже с первой половины XIV в. В качестве доказательной базы исследователем используется актывый материал (в общей сложности около 30 актов), летописи (Софийская первая старшего извода, Рогожский летописец, Летопись Авраамки), нумизматический материал, печати³², записи на рукописных книгах и послания византийских патриархов и императора Иоанна Кантакузина.

Однако статья С. Н. Кистерова завершается выводом, расходящимся с излагаемым материалом. «Приведенные выше данные, — пишет исследователь, — на наш взгляд, позволяют говорить о существовании, начиная с княжения в Киеве Всеволода Ярославича, титула “великий князь всея Руси”... Серьезным возражением на такое заключение представляется отсутствие элемента “всея Руси” в титуле великих владимирских князей в текстах сохранившихся междукняжеских договоров XIV—XV вв. и их же договоров с Великим Новгородом. Однако, думается, причина этого явления кроется в том, что ни один из этих договоров не заключался лицами, занимавшими великокняжеский престол, именно в качестве “великого князя всея Руси”. Договоры Москвы с Тверью или Рязанью были договорами московского и тверского великих князей, dokonчания московского или тверского князя с Новгородом были договорами Новгорода с великим князем Владимирским. Как великий князь всея Руси владимирский правитель мог бы выступать только в договорах, заключаемых с представителями иных государств, то есть с кем-то за пределами Руси»³³.

Этот вывод выглядит странным, поскольку автор доказывает хождение титула «великий князь всея Руси» именно внутри Северо-Восточной Руси, во-первых, а во-вторых, ссылается как раз на акты, фиксирующие отношения московских князей в ранге великих владимирских князей именно с Великим Новгородом³⁴. В связи с этим следует отметить, что ни один из других князей, занимавших великий владимирский престол в XIV в., в договорах с Новгородом не именуется «великий князь всея Руси»: великие князья Михаил Ярославич, Александр Михайлович и Михаил Александрович именуются «господин князь великий»³⁵, в одной грамоте Михаил Александрович именуется «князь великий»³⁶. Великий князь

³¹ Кистерев С. Н. «Великий князь всея Руси» в XI—XV веках. С. 75.

³² Неиспользованной оказалась лишь печать Ивана III на жалованной грамоте Ивана III Соловецкому монастырю (см.: Янин В. Л. Актывые печати Древней Руси X—XV в. Т. 2. С. 27). На лицевой стороне печати содержится надпись «Печать великого князя Ивана Васильевича», на оборотной — та же надпись в шесть строк с добавлением «всея Руси»: «Печать великого князя Ивана Васильевича всея Руси».

³³ Кистерев С. Н. «Великий князь всея Руси» в XI—XV веках. С. 84.

³⁴ Это: грамота кн. вел. Ивана Калиты Юрьеву монастырю (1335 г., список // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 86 (далее — ГВНиП); АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 2; грамота кн. вел. Ивана Калиты печорским сокольникам (1328—1341 г., список 1477 г. // ГВНиП. № 84); договор кн. вел. Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимной помощи (1371—1372 г., список 1477 г. // ГВНиП. № 16); договор Великого Новгорода с кн. вел. Василием Дмитриевичем (1435 г., список конца XVI в. // ГВНиП. № 19); грамота Великого Новгорода кн. вел. Василию Васильевичу о предоставлении «черного бора» (1448—1461 г., список 1477 г. // ГВНиП. № 21); уставная грамота кн. вел. Василия Дмитриевича Двинской земле (1397 г., список 1477 г. // ГВНиП. № 88); договорные грамоты Великого Новгорода с кн. вел. Василием Васильевичем в Яжелбицах (1456 г., список 1477 г. // ГВНиП. № 22—23); грамота Великого Новгорода кн. вел. Ивану Васильевичу о сроках выплаты (1471 г., список 1477 г. // ГВНиП. № 25); договорные грамоты Великого Новгорода с кн. вел. Иваном Васильевичем о мире (1471 г., список 1477 г. // ГВНиП. № 26—27); договорная грамота Великого Новгорода и Пскова с епископом Юрьевским о перемирии (1474 г., список XVI в. // ГВНиП. № 78).

³⁵ ГВНиП. № 12 (1317 г., подл.), № 14 (1326—1327 г., подл.), № 15 (1371 г., подл.).

³⁶ Там же. № 18 (1375 г., подл.).

Юрий Данилович именуется «великим князем» в интитуляции договорной грамоты с Михаилом Ярославичем 1318 г. и в Ореховецком договоре 1323 г.³⁷ Таким образом, оказывается, что титул «великий князь всея Руси» присутствует в большом количестве случаев в договорных грамотах великих князей владимирских с Новгородом, но в каждом случае так именованы только московские князья. В связи с этим следует отметить, что семь актов, фиксирующих отношения Новгорода с великими князьями, входят в состав сборника московского происхождения, созданного накануне похода Ивана III на Новгород в 1477 г.³⁸ Стоит также заметить, что в 8 документах³⁹, содержащихся в этом сборнике, великий князь выступает в качестве адресата, т. е. документы составлены не от лица великого князя.

Направления исследовательских решений по проблеме великокняжеской титулатуры, вместе с тем, объединяет методический прием, заключающийся в поиске и анализе только документов, содержащих в интитуляции интересующий нас титул. За рамками внимания исследователей остались многочисленные документы, такой титулатуры не содержащие. Но обращение к одиночным актам вряд ли может привести к корректным выводам, ибо всегда останется сомнение в достоверности информации, сообщаемой списком документа. Так, например, С. Н. Кистерев обращается к грамоте кн. вел. Ивана Васильевича митрополиту Геронтию на Воскресенский монастырь на Пинеге от 21 марта 1475 г., действительно содержащей титул «великий князь всея Руси»⁴⁰, но при этом не берет во внимание, что эта грамота является одной из многих, содержащихся в составе «Книги о землях, о волостях, о селех и о водах церковных» («Книги Даниила»), составленной в 1522—1539 г., и одновременно единственной с определением «всея Руси» из 46 документов этой книги, содержащих в интитуляции великокняжеский титул⁴¹.

Наблюдения над методическими приемами анализа данных актовых источников и летописей приводят к выводу о том, что вопрос об истории титулования великих князей в XIV—XV в. себя еще не исчерпал. Думается, что выводы о хронологии употребления титула «великий князь всея Руси» и о преемственности этого титула великими князьями могут быть уточнены при анализе письменных источников.

Актовый материал, несомненно, представляет особый интерес, поскольку является отражением существовавшей юридической практики. Думается, что анализ актового материала на предмет употребления великокняжеской титулатуры необходимо строить не на единичных документах, в которых употреблен титул с дополнением «всея Руси», а на всей совокупности известных актов, которые адресованы от лица великого князя⁴².

В опубликованном⁴³ актовом материале нами было выявлено в общей сложности 370 таких документов. Верхней хронологической отметкой был принят 1486 г., поскольку начиная с этого года

³⁷ Там же. № 13 (подл.), 38 (Ореховецкий договор сохранился в виде списка XVII в.).

³⁸ В составе сборника насчитывается 22 документа (о составе сборника: Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-х годах XV в. // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 369). Из них титул «великий князь всея Руси» присутствует в 11 (ГВНиП. № 16, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 84, 88, 98; Памятники русского права (далее — ПРП). М., 1953. Вып. 2. С. 212), титул «великий князь» в 5 (ГВНиП. № 83, 85, 87, 93; ДДГ. № 62), титул «великий князь московский» в одном (ГВНиП. № 77), 5 документов титула «великий князь» не содержат (ГВНиП. № 24; АСЭИ. Т. 3. № 14, 15, 16, 20).

³⁹ ГВНиП. № 16, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27.

⁴⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков (далее — АФЭиХ). М., 1951. Ч. 1. № 316 (1475 г., список 1522—1539 г.).

⁴¹ АФЭиХ. Ч. 1. № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 112, 116, 118, 123, 124, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 171, 173, 187, 188, 193, 198, 199, 210, 211, 212, 225, 226, 230, 231, 232, 235, 247, 251, 252, 253, 255, 273, 274, 275, 276, 290, 315, 316.

⁴² Конечно, такой подход оставит вне рассмотрения акты, которые хоть и не отправлены от лица великого князя, но содержат титул «великий князь всея Руси» (например, договорная грамота Новгорода и великого князя Василия Васильевича о мире от 1435 г. (список конца XVI в.) // ГВНиП. № 19).

⁴³ ГВНиП; ДДГ; АСЭИ. М., 1952. Т. 1; АСЭИ. М., 1958. Т. 2; АСЭИ. Т. 3; АФЭиХ. Ч. 1; АФЭиХ. М., 1956. Ч. 2; Каушанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970 (опубликованы акты, не вошедшие в капитальные издания серий ГВНиП, АСЭИ и ДДГ); Древнерусские княжеские уставы XI—XV в. (далее — ДКУ). М., 1976; Акты Российского государства: Архивы московских монастырей (далее — АРГ). М., 1998; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в.: Акты Соловецкого монастыря (далее — Акты истории Севера). Л., 1988; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). М., 2002. Т. 3.

в актовом документации устойчиво употребляется титул «великий князь всея Руси». Из общей совокупности документов 324 (89 %) документов, относящихся ко времени с 1323 по 1485 г., содержат титул «князь великий». Среди них 124 подлинных акта⁴⁴ и 200 списков⁴⁵. К этой группе примыкает докончание кн. вел. Василия Васильевича с князем великим литовским Казимиром от 1449 г., которое является документом внешнеполитических сношений великого князя владимирского. В нем титул великого князя выглядит следующим образом: «князь великий Василий Васильевич московский, и новгородский, и ростовский, и пермский, и иных»⁴⁶.

Соответственно, 36 (10 %) документов содержат титул «князь великий всея Руси», 1 акт в расширенной форме титула имеет дополнение союза *и* («князь великий [] *и* всея Руси»⁴⁷). Две жалованные кормленные грамоты, содержащие титул «великий князь всея Руси», являются подделками⁴⁸, еще две жалованные грамоты, по наблюдениям С. М. Каштанова, имеют сомнительное происхождение, очевидно, они подложные⁴⁹. В интитуляции двух жалованных грамот содержится титул «царь и князь великий [] всея Руси»⁵⁰. Весьма интересно, что аналогичное титулование великого князя Ивана Васильевича содержится в грамоте Пскова к великому князю о посылке в Новгород «складной» грамоты⁵¹ и в грамоте Великого Новгорода и Пскова с епископом Юрьевским⁵². Первая грамота была составлена в 1447 г., но сохранилась в списке, дата появления которого неизвестна. Оригинал второй грамоты появился в 1474 г., но скопирована эта грамота была в XVI в. В связи с этим чрезвычайно важно обратить внимание на то, что вышеотмеченные жалованные грамоты (оригинал первой относится к 1467, второй — к 1482 г.) сохранились в копиях, выполненных соответственно в 1575 и 1577 г. Таким образом, появление титула «царь и князь великий» в текстах этих грамот, конечно, является ошибкой переписчика, очевидно, принявшего Ивана III Васильевича за Ивана IV. Таким образом, совокупность актов, содержащих титул «великий князь всея Руси», за вычетом подложных грамот и грамот с титулом «царь и князь великий» составляет 37 документов.

К анализу нами не были привлечены в силу недоступности следующие документы, опубликованные в XIX и в конце XX в. и известные исследователям: предписание кн. вел. Ивана Васильевича ростовскому боярину Илье Борисовичу (1480 г.); две грамоты кн. вел. Василия II Андрею Васильевичу Толстому (1445–1446 г.); духовная митрополита Ионы (1452–1453 г.) и послание Василия II афонским монахам (1443 г.). В этих документах титул великого князя присутствует с дополнением «всея Руси». О них: *Кистерева С. Н.* «Великий князь всея Руси» в XI–XV веках. С. 64–66.

⁴⁴ АСЭИ. Т. 1. № 30, 31, 34, 35, 47, 48, 55, 74, 76, 101, 112, 117, 136, 139, 156, 165, 189, 192, 203, 215, 219, 221, 224, 225, 243, 244, 245, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 278, 280, 304, 311, 316, 318, 322, 338, 342, 346, 351, 352, 354, 355, 359, 360, 361, 402, 403, 405, 409, 416, 417, 419, 455, 463, 491, 491 а, 497, 512; Т. 2. № 101, 102, 169, 170, 345, 351, 359, 360, 363, 364, 365, 366, 373, 394, 446, 452, 467, 467 а; Т. 3. № 37, 41, 49, 54 а, 87, 106, 107, 178, 195, 229, 238, 253, 281, 466; АФЭиХ. Ч. 2. № 1; ДДГ. № 7, 11, 13, 15, 16, 24, 30, 34, 35, 38, 42, 43, 45, 51, 52, 56, 58, 59, 63, 64, 65, 67, 69, 70, 75, 76; Акты истории Севера. № 1.

⁴⁵ АСЭИ. Т. 1. № 1, 41, 42, 43, 44, 49, 50, 57, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 104, 105, 107, 109, 128, 135, 140, 166, 170, 176, 180, 195, 197, 199, 200, 202, 222, 226, 236, 254, 277, 307, 308, 309, 312, 313, 314, 315, 317, 319, 320, 321, 331, 332, 353, 356, 357, 358, 362, 388, 398, 412, 414, 418, 423, 424, 433, 462, 469, 492, 493, 494, 495, 498, 517, 518; Т. 2. № 96, 103, 216, 349, 350, 362, 393, 437, 439, 447, 454, 459, 460, 461, 466, 468, 469, 473, 475, 477, 479, 480; Т. 3. № 3 (ГВНиП. № 85), 4 (ГВНиП. № 87), 6 (ДКУ. С. 177–179), 13, 20, 29, 34, 42, 70, 71, 72, 74, 96, 97, 99, 101, 178 а, 179, 196, 197, 239, 257, 266, 291 а, 481, 496, 498; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 1, 2, 3, 4, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 29, 31, 34; АФЭиХ. Ч. 1. № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 112, 116, 118, 123, 124, 145, 147, 148, 149, 151, 171, 172, 173, 187, 188, 193, 198, 199, 210, 211, 212, 225, 226, 230, 231, 232, 235, 247, 251, 252, 255, 273, 274, 275, 276, 290, 315; ГВНиП. № 38; ДДГ. № 9, 18, 19, 36, 47, 55, 72, 73, 78; АСЭ. Т. 3. № 306. Титул «великий князь» содержат еще две сомнительные грамоты: *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 60, 61.

⁴⁶ ДДГ. № 53.

⁴⁷ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 7 (1441 г., список XVI в.).

⁴⁸ АСЭ. Т. 3. № 273, 274. Копии грамот были выполнены в 1786 г.

⁴⁹ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 62, 63. Эти жалованные (безданные, обельные, несудимые) грамоты были якобы выданы вел. кн. Иваном Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию на вотчины во всем великом княжении и на села и деревни в разных уездах. Списки с грамот были выполнены в XVI в.

⁵⁰ Жалованная грамота кн. вел. Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию // АСЭИ. Т. 1. № 376 (1467 г., список 1575 г.); жалованная грамота кн. вел. Ивана Васильевича игумену Николо-Мокринского монастыря на р. Сухоне Феодосию // АСЭИ. Т. 3. № 278 (1482 г., список 1577 г.).

⁵¹ ГВНиП. № 338.

⁵² Там же. № 78.

Среди документов, содержащих титул «князь великий [] всея Руси», 9 подлинных актов: жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию (1485 г.)⁵³, Указная грамота вел. кн. Ивана Васильевича Димитрию Лазареву (1485—1488 г.)⁵⁴, жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича Злобе Васильеву (1485 г.)⁵⁵, грамота вел. кн. Ивана Васильевича вологодскому посельскому Федору Рублеву (1485—1486 г.)⁵⁶, жалованная кормленая грамота вел. кн. Ивана Васильевича Павлу Васильевич сыну Люткину (1485—1490 г.)⁵⁷, докончание вел. кн. Семена Ивановича Гордого с братьями (1350/1351 г.)⁵⁸, жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича князю Волоцкому Борису Васильевичу (1483 г.)⁵⁹, докончание вел. кн. Ивана Васильевича с Михаилом Борисовичем тверским (1484—1485 г.)⁶⁰ и жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича с сыном вел. кн. Иваном Ивановичем игумену Соловецкого монастыря на острова (1479 г.)⁶¹. Видно, что применение титула «великий князь всея Руси» связано почти исключительно с актами, составленными от имени великого князя Ивана III, а нижняя границей применения этого титула, определяемой по подлинникам документов, является 1479 г. Докончание Семена Ивановича с братьями является исключением.

Анализируемый титул содержат 28 копий документов от периода с 1328 по 1484/1505 г. Распределим эти списки по времени появления: к первой четверти XV в. относится 1 документ (грамота вел. кн. Василия Дмитриевича и митрополита Фотия от 1419 г.)⁶², к середине XV в. — 1 (копия докончания вел. кн. Василия Дмитриевича с князем Галицким Юрием Дмитриевичем от 1390 г.)⁶³, в составе сборника 1477 г. сохранилось 3 документа (жалованная грамота вел. кн. Ивана Даниловича печорским сокольникам от 1328—1341 г.)⁶⁴, договорная грамота вел. кн. Дмитрия Ивановича с Великим Новгородом от 1371—1372 г.)⁶⁵, Уставная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича Двинской земле от 1397 г.)⁶⁶, к последней четверти XV в. — 1 (список грамоты вел. кн. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана от 1402 г.)⁶⁷, к концу XV — первой четверти XVI в. — 1 (список грамоты вел. кн. Василия Дмитриевича с митрополитом Фотием от 1419 г.)⁶⁸, к началу XVI в. — 1 (копия жалованной грамоты вел. кн. Ивана Васильевича старорусским тоникам от 1484—1505 г.)⁶⁹. Все остальные копии документов (19), оригиналы которых были составлены преимущественно во второй половине XV в., появились в XVI—XIX в.: жалованная грамота вел. кн. Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию⁷⁰; жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю⁷¹; жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию⁷²; три жалованные грамоты

⁵³ АСЭИ. Т. 1. № 516.

⁵⁴ Там же. № 520.

⁵⁵ АСЭИ. Т. 2. № 266.

⁵⁶ Там же. № 270.

⁵⁷ АСЭИ. Т. 3. № 226.

⁵⁸ ДДГ. № 2.

⁵⁹ Там же. № 78.

⁶⁰ Там же. № 79.

⁶¹ Акты истории Севера. № 1.

⁶² ДКУ. С. 184—185.

⁶³ ДДГ. № 14.

⁶⁴ АСЭИ. Т. 3. № 2 (ГВНиП. № 2).

⁶⁵ ГВНиП. № 16.

⁶⁶ Там же. № 88; АСЭИ. Т. 3. № 7.

⁶⁷ ДКУ. С. 183—184.

⁶⁸ Там же. С. 185—186. Отметим, что в грамотах великого князя Василия Дмитриевича с митрополитами Киприаном и Фотием «великими князьями всея Руси» называются Владимир I и Ярослав Владимирович, а в латинском переводе грамоты 1402 г. великий князь Василий Дмитриевич титулован как «великий князь» — «Magni Ducis». Небезынтересно отметить, что в докончательной грамоте Василия Дмитриевича с митрополитом Киприаном, составленной в 1404 г., дополнения «всея Руси» интитуляция великого князя не содержит, в отличие от титулования митрополита (ДКУ. С. 177).

⁶⁹ АСЭИ. Т. 3. № 21.

⁷⁰ Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 7 (1441 г., список XVI в.).

⁷¹ АСЭИ. Т. 1. № 310 (1462—1466 г., список конца XVI в.).

⁷² Там же. № 411 (1472 г., список 1641 г.).

вел. кн. Ивана Васильевича игуменам Кирилло-Белозерского монастыря Нифонту и Гурию⁷³; жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича архимандриту Симонова монастыря Герасиму⁷⁴; жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича архимандриту Спасо-Евфимиева монастыря Филиппу⁷⁵; жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича Як. Гавр. Рюме Бестужеву⁷⁶; жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича введенному боярину пану Ив. Судимонту Кондратьевичу⁷⁷; две жалованные грамоты вел. кн. Ивана Васильевича Ив. Григ. Раслу Протасьеву⁷⁸; жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича Павлу Вас. с. Люткину⁷⁹; две жалованные грамоты вел. кн. Ивана Васильевича Ив. Андр. с. Племянникову⁸⁰; жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича пермскому епископу Филофегу⁸¹; указная грамота кн. вел. Ивана Васильевича в Дмитров Карду Перепичину⁸²; жалованная грамота кн. вел. Ивана Васильевича Серпуховскому Владычному монастырю⁸³; жалованная грамота кн. вел. Ивана Васильевича протоиерею московского Архангельского собора Ивану⁸⁴ и жалованная грамота кн. вел. Ивана Васильевича митрополиту Геронтию⁸⁵. Время появления одной копии — жалованной грамоты вел. кн. Ивана Даниловича печорским сокольникам — неизвестно.

Из всей совокупности документов, содержащих титул «великий князь всея Руси», адресантом 25 актов (69 %) является великий князь Иван III, в таком качестве этот князь выступает в семи подлинных актах 80-х годов XV в.; 4 документа были составлены от лица великого князя Василия Дмитриевича; два документа написаны от лица великого князя Василия Васильевича; два документа — от лица великого князя Ивана Даниловича⁸⁶. По одному документу составлено от лица великих князей Семена Ивановича (но в подлиннике)⁸⁷ и Дмитрия Ивановича⁸⁸. Князем великим и «царем всея Руси» в документах по ошибке переписчика именуется только Иван III. Очевидно, что именование преимущественно Ивана III «великим князем всея Руси», особенно в списках актов, опирается на традицию титулования этого князя, утвердившуюся к середине 80-х годов XV в. Основанием для становления такой традиции, как справедливо считает В. А. Кучкин, было присоединение Тверского княжества⁸⁹, а ранее и Великого Новгорода. Применение же анализируемого титула по отношению к другим великим князьям у нас нет пока возможности объяснить существованием особой традиции, надо полагать, что для появления такой формы титула в тексте документов были иные причины.

О присутствии в списках XVI—XIX в. титула «великий князь всея Руси» можно сказать следующее. Получив в наше распоряжение материал по совокупности актов, адресантом которых являлся великий князь, мы можем констатировать, что на подавляющем большинстве документов XIV—XV в., сохранившихся в подлинном виде и в копиях, титул великого князя содержится без определения «всея Руси». Существенными в связи с этим являются сохранившиеся в копиях актов указания самих копиистов о том, что списки писались ими «слово в слово». Это обстоятельство позволяет нам полагать, что в копиях актов XIV—XV в., выполненных в последней четверти XV—XIX в., содержится поновленный титул

⁷³ АСЭИ. Т. 2. № 254 (1479 г., список XVII в.), 256 (1480 г., список XVI в.), 267 (1485 г., список XVI в.) (Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 66).

⁷⁴ АСЭИ. Т. 2. № 389 (1475 г., список 1566 г.).

⁷⁵ Там же. № 482 (1485 г., список XIX в.).

⁷⁶ АСЭИ. Т. 3. № 76 (1469 г., список конца XVII — начала XVIII в.).

⁷⁷ Там же. № 102 (1470 г., список XVII в.).

⁷⁸ Там же. № 108 (1426 г., список XVII в.), 283 (1425 г., список XVII в.).

⁷⁹ Там же. № 240 (1485—1490 г., список XVIII в.).

⁸⁰ Там же. № 286, 287 (1485—1505 г., список XVIII в.).

⁸¹ Там же. № 291 (1482—1483 г., список XIX в.).

⁸² Там же. № 33 (1484—1485 г., список XVI в.).

⁸³ Там же. № 68 (1479 г., список 1556 г.).

⁸⁴ АРГ. № 13 (1463 г., список 1564 г.).

⁸⁵ АФЭИХ. Ч. 1. № 316 (1475 г., список 1522—1539 г.).

⁸⁶ АСЭИ. Т. 3. № 2 (также ГВНиП. № 2); ГВНиП. № 86.

⁸⁷ ДДГ. № 2.

⁸⁸ ГВНиП. № 16. В составе сборника 1477 г.

⁸⁹ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 223—224.

великого князя, поновление титула происходило при копировании в силу установившейся в конце XV в. традиции. Представляется очевидным факт, что великие князья во внутренней юридической практике до 80-х годов XV в. не пользовались расширенной формой титула. Иными словами, актовый материал не дает оснований согласиться с мнением С. Н. Кистерева о том, что использование титула «великий князь вся Руси» было обязательным в юридической практике титулования великих владимирских князей задолго до 1486 г. Как показывает материал, принятым правилом было использование титула «великий князь». Вместе с тем этот аргумент не может быть принят для объяснения того факта, что дополнение «вся Руси» присутствует в подлинниках актов и списках документов, появившихся до 80-х годов XV в. включительно. Это обстоятельство требует иного объяснения.

Важно рассмотреть распределение анализируемой совокупности грамот по видам. Оно выглядит следующим образом: 273 жалованные грамоты⁹⁰, 22 указные⁹¹ (в том числе грамоты с указом, указные с прочетом и грамоты с прочетом), 5 меновных грамот⁹², 40 докончаний⁹³, 2 договорные грамоты (одна из них — Ореховецкий договор — является документом внешнеполитических сношений)⁹⁴, 2 уставные грамоты⁹⁵, 9 грамот (грамоты⁹⁶, грамоты князьям⁹⁷, о запрещении⁹⁸, о нарушении таможенных границ⁹⁹, о разрешении¹⁰⁰), 2 грамоты великого князя Василия Дмитриевича и митрополитов Киприана и Фотия, подтверждающие княжеские уставы¹⁰¹, 1 окружная грамота¹⁰², отводной список Новоторжских земель¹⁰³. Хронологический диапазон документов таков: первая половина XIV в. — 5¹⁰⁴, вторая половина XIV в. — 10¹⁰⁵, первая четверть XV в. — 32¹⁰⁶, 20–30-е годы XV в. — 2¹⁰⁷, 20–60-е годы XV в. — 2¹⁰⁸, 30-е годы XV в. — 18¹⁰⁹, 30–40-е годы XV в. — 14¹¹⁰, 30–60-е годы XV в. — 1¹¹¹, 40-е годы XV в.

⁹⁰ АСЭИ. Т. 1. № 1, 30, 31, 34, 35, 41, 42, 44, 47, 48, 49, 50, 55, 57, 74, 76, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 101, 105, 107, 109, 112, 117, 128, 135, 139, 140, 165, 166, 170, 176, 180, 189, 192, 195, 197, 199, 200, 202, 215, 219, 221, 224, 225, 226, 236, 243, 244, 245, 254, 260, 261, 263, 264, 265, 278, 280, 304, 307, 308, 309, 310, 312, 313, 314, 315, 316, 318, 319, 320, 321, 322, 342, 346, 451, 352, 353, 354, 356, 357, 358, 376, 388, 398, 403, 409, 411, 412, 414, 416, 417, 419, 433, 455, 462, 463, 491, 491 а, 492, 495, 497, 498, 512, 516, 517, 518, 519; Т. 2. № 96, 101, 103, 169, 170, 216, 254, 256, 266, 267, 345, 349, 350, 351, 359, 360, 362, 363, 364, 365, 366, 373, 389, 393, 394, 437, 439, 446, 447, 452, 454, 459, 460, 461, 466, 467, 467 а, 468, 469, 473, 475, 478, 479, 480, 482; Т. 3. № 2, 4, 7, 13, 21, 34, 37, 41, 42, 49, 54 а, 70, 71, 72, 74, 76, 87, 96, 97, 99, 101, 102, 106, 107, 108, 178, 178 а, 179, 195, 196, 197, 226, 238, 239, 240, 253, 257, 266, 278, 283, 286, 287, 291, 291 а, 296, 297, 466, 481, 496, 498; *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 1, 3, 4, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 28, 29, 31, 32, 68; АФЭиХ. Ч. 1. № 1, 2, 3, 4, 112, 116, 118, 123, 124, 145, 146, 147, 148, 151, 171, 172, 173, 193, 198, 210, 211, 212, 225, 226, 230, 231, 232, 235, 247, 251, 252, 273, 274, 275, 276, 315, 316; Ч. 2. № 1; ГВНиП. № 86; ДДГ. № 77; АСЭИ. № 13; Акты истории Севера. № 1; АСЭ. Т. 3. № 306.

⁹¹ АСЭИ. Т. 1. № 43, 203, 262, 311, 331, 332, 338, 360, 362, 402, 405, 418, 493, 494, 520; Т. 2. № 477; Т. 3. № 3 (ГВНиП. № 85), 229, 281; *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 23, 33; АФЭиХ. Ч. 1. № 253, 255.

⁹² АСЭИ. Т. 1. № 277, 355, 424; Т. 3. № 29; АФЭиХ. Ч. 1. № 149.

⁹³ ДДГ. № 2, 5, 7, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 24, 30, 34, 35, 36, 38, 42, 43, 45, 47, 51, 52, 53, 55, 56, 58, 59, 63, 64, 65, 67, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 78, 79.

⁹⁴ ГВНиП. № 16, 38.

⁹⁵ АСЭИ. Т. 3. № 6 (ДКУ. С. 177–179); *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 2.

⁹⁶ АСЭИ. Т. 1. № 136, 156, 222; Т. 2. № 102, 270.

⁹⁷ АФЭиХ. Ч. 1. № 5.

⁹⁸ АСЭИ. Т. 1. № 469.

⁹⁹ Там же. № 317.

¹⁰⁰ Там же. № 423.

¹⁰¹ ДКУ. С. 182–184, 184–185.

¹⁰² АСЭИ. Т. 3. № 359.

¹⁰³ Там же. № 20 (документ в составе сборника 1477 г.).

¹⁰⁴ ГВНиП. № 2 (АСЭИ. Т. 3. № 2), 38, 85 (АСЭИ. Т. 3. № 3), 86; ДДГ. № 2.

¹⁰⁵ ГВНиП. № 16, 87 (АСЭИ. Т. 3. № 4), 88 (АСЭИ. Т. 3. № 7); ДДГ. № 5, 7, 9, 11, 13, 14, 15.

¹⁰⁶ АСЭИ. Т. 1. № 30, 31, 34, 35, 41, 42, 43, 44, 47, 48, 49, 50; Т. 2. № 437; Т. 3. № 6 (ДКУ. С. 177–179), 108, 239, 283, 296, 481; АФЭиХ. Ч. 1. № 2, 198, 211, 226, 230; ДДГ. № 16, 18, 19, 24; ДКУ. С. 182–184, 184–185; *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 1, 2.

¹⁰⁷ АСЭИ. Т. 1. № 55, 57.

¹⁰⁸ АФЭиХ. Ч. 1. № 116, 146.

¹⁰⁹ АСЭИ. Т. 1. № 74, 109, 112, 117, 128, 135, 136, 139, 439; Т. 3. № 34, 87, 99; АФЭиХ. Ч. 1. № 231; ДДГ. № 30, 34, 35, 36; *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 4.

¹¹⁰ АСЭИ. Т. 1. № 76, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 101, 105, 140, 156, 226; *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 3.

¹¹¹ АСЭИ. Т. 1. № 107.

— 33¹¹², 40—50-е годы XV в. — 10¹¹³, 40—60-е годы XV в. — 11¹¹⁴, 50-е годы XV в. — 35¹¹⁵, 50—60-е годы XV в. — 4¹¹⁶, 60-е годы XV в. — 60¹¹⁷, 60—70-е годы XV в. — 15¹¹⁸, 60—80-е годы XV в. — 10¹¹⁹, 70-е годы XV в. — 41¹²⁰, 70—80-е годы XV в. — 5¹²¹, 80-е годы XV в. — 52¹²², вторая половина XV в. (60-е годы XV в. — 1505 г.) — 3¹²³. Приведенный перечень ясно показывает, что большая часть анализируемых документов относится ко второй половине XV в. (191 из 365, т. е. 52,3 %), преимущественно к 60-м и 80-м годам XV в. (соответственно 59 и 52), т. е. к годам великого княжения Ивана III Васильевича. К первой половине XV в. относятся 148 документов (43,3 %), из этого количества 18 появились в 30-е годы XV в. (но если брать хронологические рамки 30—40-е годы XV в., то таких документов становится 32), 33 — в 40-е годы XV в. и 35 — в 50-е годы XV в.

Показательно также хронологическое распределение списков документов, отнесенных выше к временным периодам. В анализируемой совокупности документов имеется 4 копии документов первой половины XIV в. (из 5 документов, относящихся к этому периоду, т. е. копии составляют 80 % от количества документов этого этапа), 6 копий документов второй половины XIV в. (54 %), 24 копии документов первой четверти XV в. (75 %), 1 копия актов 20—30-х годов XV в. (50 %), 2 копии актов 20—60-х годов XV в. (100 %), 9 копий актов 30-х годов XV в. (50 %), 11 копий актов 30—40-х годов XV в. (79 %), 1 копия актов 30—60-х годов XV в. (100 %), 17 копий актов 40-х годов XV в. (52 %), 7 копий актов 40—50-х годов XV в. (70 %), 8 копий актов 40—60-х годов XV в. (70 %), 15 копий актов 50-х годов XV в. (43 %), 2 копии актов 50—60-х годов XV в. (50 %), 40 копий актов 60-х годов XV в. (68 %), 9 копий актов 60—70-х годов XV в. (60 %), 5 копий актов 60—80-х годов XV в. (50 %), 29 копий актов 70-х годов XV в. (71 %), 4 копии актов 70—80-х годов XV в. (80 %), 34 копии актов 80-х годов XV в. (65 %) и 3 копии актов периода с 1462 по 1505 г. (100 %). Полученные показатели можно интерпретировать как «показатель копийности» (т. е. высчитываем среднее значение соотношения копий к общему количеству анализируемых документов): для XIV в. он будет составлять 0,9 (в среднем 90 % анализируемых документов сохранилось в копии), для первой половины XV в. — 0,7 (в среднем 70 % документов — это копии) и для второй половины XV в. — 0,71 (в среднем 71 % документов — это копии). Но если не учитывать случаи стопроцентной сохранности документов в копии (от периода 20—60-е годов XV в. — 2 документа в копии, от 30—60-х годов XV в. — 1 документ в копии, от периода с 1462 по 1505 г. — 3 документа

¹¹² АСЭИ. Т. 1. № 165, 166, 170, 176, 180, 189, 192, 219, 221, 222, 224; Т. 2. № 96, 349, 350, 446, 447; Т. 3. № 70, 229, 253, 297; АФЭиХ. Ч. 1. № 232; ДДГ. № 38, 42, 43, 45, 47, 51, 52, 53; *Каиштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 7, 8, 10.

¹¹³ АСЭИ. Т. 1. № 195, 197, 199, 200, 202, 203, 215; Т. 2. № 345; *Каиштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 11, 12.

¹¹⁴ АСЭИ. Т. 2. № 101, 102, 103; АФЭиХ. Ч. 1. № 118, 123, 145, 173, 273, 274; АСЭ. Т. 3. № 306.

¹¹⁵ АСЭИ. Т. 1. № 236, 243, 244, 245, 254, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 277, 278, 280; Т. 2. № 169, 170, 351, 452, 454; Т. 3. № 54 а, 96, 266; АФЭиХ. Ч. 1. № 172, 187, 225, 247, 275, 290; Ч. 2. № 1; ДДГ. № 55, 56, 58, 59; *Каиштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 14, 15.

¹¹⁶ АСЭИ. Т. 3. № 13, 37, 49, 496.

¹¹⁷ АСЭИ. Т. 1. № 304, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 331, 332, 338, 342, 346, 388; Т. 2. № 359, 360, 362, 363, 364, 365, 366, 373, 459, 460, 461; Т. 3. № 41, 71, 74, 76, 97, 101, 179; АФЭиХ. Ч. 1. № 3, 147, 171, 188, 193, 210, 276, 315; ДДГ. № 63, 64, 65; *Каиштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 19, 20, 21, 22, 23, 24; Акты истории Севера. № 13.

¹¹⁸ АСЭИ. Т. 1. № 351, 352, 353, 354, 355, 356; Т. 3. № 195, 196, 197, 238, 257; АФЭиХ. Ч. 1. № 148, 149, 199, 255.

¹¹⁹ АСЭИ. Т. 1. № 357, 358, 359, 360, 361, 362, 376; Т. 3. № 178, 178 а, 281.

¹²⁰ АСЭИ. Т. 1. № 402, 403, 405, 409, 411, 412, 414, 416, 417, 418, 423, 424, 433, 455, 469; Т. 2. № 216, 254, 389, 466, 467, 467 а, 468, 469, 473, 475; Т. 3. № 151, 212, 251, 252, 316; АФЭиХ. Ч. 1. № 151, 212, 251, 252, 316; ДДГ № 67, 69, 70; *Каиштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 25, 28, 29, 68; Акты истории Севера. № 1.

¹²¹ АСЭИ. Т. 1. № 398, 419; АФЭиХ. Ч. 1. № 4, 6, 235.

¹²² АСЭИ. Т. 1. № 462, 463, 491, 491 а, 492, 493, 494, 495, 497, 498, 512, 516, 517, 518, 519, 520; Т. 2. № 256, 266, 269 (*Каиштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 66), 270, 393, 394, 477, 478, 479, 480, 482; Т. 3. № 21, 29, 72, 106, 107, 226, 240, 278, 286, 287, 291, 291 а; АФЭиХ. Ч. 1. № 1, 253; ДДГ. № 72, 73, 75, 76, 77, 78, 79; *Каиштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 31, 32, 33, 34.

¹²³ АФЭиХ. Ч. 1. № 5, 112, 124.

в копии), то «показатель копийности» изменится: для первой половины XV в. он будет равняться 0,62, для второй половины XV в. — 0,67. Это может означать, что документы второй половины XV в. копировались чаще (хотя разница не слишком большая).

Теперь рассмотрим видовую характеристику документов, содержащих титул «великий князь всея Руси». В общей совокупности таких актов документы распределяются по видам следующим образом:

— 27 жалованных грамот; из них: 5 подлинников, относящихся к концу 70-х годов XV в. и к 80-м годам XV в.¹²⁴, 22 списка (документов первой половины XIV в. — 2¹²⁵, второй половины XIV в. — 1¹²⁶, первой четверти XV в. — 2¹²⁷, 60-х годов XV в. — 3¹²⁸, 70-х годов XV в. — 6¹²⁹, 80-х годов XV в. — 8¹³⁰);

— 2 указные грамоты (все — 80-х годов XV в.¹³¹);

— 3 докончания: 2 подлинника¹³² (1348 и 1484/1485 г.), 1 список докончальной грамоты великого князя Василия Дмитриевича с князем галицким Юрием Дмитриевичем (1390 г., список середины XV в.)¹³³;

— 1 договорная грамота (великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимной помощи), составленная в 1371 г. и сохранившаяся в копии в составе сборника 1477 г.¹³⁴;

— 2 грамоты великого князя Василия Дмитриевича с митрополитами Киприаном и Фотием, подтверждающие княжеские уставы (документы соответственно 1403/1404 и 1419 г., сохранившиеся в копиях последней четверти XV — начала XVI в.)¹³⁵;

— 1 грамота 1484/1485 г. (подлинник)¹³⁶;

— 1 судная грамота (в составе сборника 1477 г.)¹³⁷.

К этой группе можно отнести и жалованную грамоту 1441 г., сохранившуюся в списке XVI в.¹³⁸ В тексте этой грамоты содержится титул «князь великий Василий Васильевич и всея Руси». По-видимому, добавление союза *и* здесь является ошибкой переписчика, такая форма определения «всея Руси» содержалась только в титуле митрополита.

Хронологический диапазон появления копий этих документов — 1477 г. — XIX в.: середина XV в. — 1 документ (докончание), 1477 г. — 4 документа (из них 2 жалованные грамоты, 1 договорная, 1 судная), последняя четверть XV в. — 2 (грамоты, подтверждающие княжеские уставы), начало XVI в. — 1 (жалованная грамота), вторая четверть XVI в. — 3 (все жалованные грамоты), первая половина XVI в. — (жалованная грамота), конец XVI в. — 1 (жалованная грамота), XVI в. — 3 (2 жалованные, 1 указная грамоты), XVII в. — 5 (все — жалованные грамоты), XVIII в. — 3 (все — жалованные грамоты), XVII—XVIII в. — 1 (жалованная грамота), XIX в. — 2 (жалованные грамоты). Время появления списка жалованной грамоты великого князя Ивана Даниловича Юрьеву монастырю неизвестно.

Таким образом, хорошо заметно, что время появления подавляющего большинства документов, отражающих достаточно определенную юридическую практику и содержащих титул «великий князь

¹²⁴ АСЭИ. Т. 1. № 516; Т. 2. № 266; Т. 3. № 226; ДДГ. № 77; Акты истории Севера. № 1.

¹²⁵ АСЭИ. Т. 3. № 2 (ГВНиП. № 2); ГВНиП. № 86.

¹²⁶ АСЭИ. Т. 3. № 7 (ГВНиП. № 88).

¹²⁷ Там же. № 108, 283.

¹²⁸ АСЭИ. Т. 1. № 310; Т. 3. № 76; Акты истории Севера. № 13.

¹²⁹ АСЭИ. Т. 1. № 411; Т. 2. № 254, 389; Т. 3. № 102; АФЗиХ. Ч. 1. № 316; Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 68.

¹³⁰ АСЭИ. Т. 2. № 256, 267 (Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 66), 482; Т. 3. № 21, 240, 286, 287, 291.

¹³¹ АСЭИ. Т. 1. № 520; Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 33.

¹³² ДДГ. № 2, 79.

¹³³ Там же. № 14.

¹³⁴ ГВНиП. № 16.

¹³⁵ ДКУ. С. 182–184, 184–185.

¹³⁶ АСЭИ. Т. 2. № 270.

¹³⁷ ПРП. Вып. 2.

¹³⁸ Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 7.

всёя Руси», относится к 80-м годам XV в. — 16 документов (43 %: 7 подлинников и 9 списков XVI, XVIII и XIX в.). В 70-е г. XV в. появилось 6 документов (16 %, все сохранились в списках XVI, XVII — начала XVIII в.), в 60–70-е годы XV в. — 3 (8 %, все сохранились в списках XVI в.), в середине XV в. — 1 (в копии 1477 г.), в первой четверти XV в. — 4 (11 %, все сохранились в списках последней четверти XV — первой четверти XVI в. и XVII в.), во второй половине XIV в. — 3 (из них 2 документа сохранились в составе сборника 1477 г.), в первой половине XIV в. — 3 (1 подлинник 1350/1351 г. и 2 копии, сделанные с документов, составленных соответственно в 1328/1340 и в 1337/1339 г.). Полагаем, что присутствие расширенной формы титула в подлинниках и копиях документов второй половины XV в. (с 1460 по 1485 г.) вполне объяснимо, учитывая то, что подлинники документов относятся к 80-м годам XV в., т. е. ко времени, когда великий князь московский уже устойчиво именовался «великим князем всёя Руси», а копии остальных документов этого периода были выполнены не ранее конца XV в.

Вместе с тем совершенно понятно, что для всех остальных случаев такое объяснение не может быть принято. Очевидно, что присутствие расширенной формы великокняжеского титула в документах и их копиях, которые сохранились от времени до 1477 г. включительно (таких документов оказывается всего пять), не может быть расценено как ошибка переписчика. С другой стороны, у нас нет весомых оснований, для того чтобы считать, что такая форма титула уже устойчиво использовалась во внутриполитических делах до 1477 г. Очевидно, что необходимо искать ответ на вопрос о причинах присутствия в текстах этих актов расширенной формы титула. Эти причины могут быть связаны с обстоятельствами появления оригиналов документов или их копий.

Назовем эти документы ещё раз: 1) жалованная грамота великого князя Ивана Даниловича печорским сокольникам Жиле с ватагой; 2) докончание великого князя Семена Ивановича с братьей, 3) договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимной помощи (1371 г.), 4) докончание великого князя Василия Дмитриевича с князем галицким Юрием Дмитриевичем (1390 г.), 5) уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле (1397 г.).

Рассмотрим эти документы по отдельности.

Показательно, что большая часть документов касается отношений великого владимирского князя с Великим Новгородом. Три из пяти документов связаны со сборником 1477 г. (1, 3, 5). Сборник 1477 г. включает в себя 22 документа. Из них, кроме отмеченных четырех актов, титул «великий князь всёя Руси» содержат ещё 8 документов, но в них великий князь не является адресантом¹³⁹. Обстоятельства появления сборника 1477 г. исследованы Л. В. Черепниным и В. Л. Яниным¹⁴⁰. Обстоятельный анализ договорной грамоты Дмитрия Ивановича и Новгорода от 1371 г. в новейшее время произведен В. А. Кучкиным¹⁴¹. Л. В. Черепнин (исследователь выделял в сборнике два хронологических пласта, которые соотнес с двумя походами Ивана III на Новгород) пришел к выводу о том, что цель составления сборника состояла в том, чтобы оправдать «документальными ссылками наступательное движение Москвы на Новгород»¹⁴². С этим мнением согласился и В. Л. Янин¹⁴³, но

¹³⁹ ГВНИП. № 21 (грамота Великого Новгорода о предоставлении на год «черного бора» с Новоторжских волостей великому князю Василию Васильевичу от 1448–1461 г.), 22–23 (договорные грамоты Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем о мире в Яжелбицах от 1456 г.), 25 (грамота Великого Новгорода великому князю Ивану Васильевичу о сроках выплаты 15500 рублей от 1471 г.), 26–27 (договорные грамоты Великого Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем о мире от 1471 г.), 98 (грамота Великого Новгорода Двинской земле о сложении крестоцелования на подданство Новгороду от 1471 г.); ПРП. Вып. 2 (Новгородская Судная грамота).

¹⁴⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV в. М.; Л., 1948. Ч. 1; Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли.

¹⁴¹ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 69–118.

¹⁴² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV в. С. 335.

¹⁴³ В работе 1990 г., в отличие от работы 1982 г., В. Л. Янин цели московской политики времени похода на Новгород 1477 г. определил более конкретно. По его мнению, они заключались в: 1) отторжении Заволочья; 2) упорядочивании объема черного бора возвращением части захваченных окладных волостей; 3) поддержании московской «старшины» в сместном суде

при этом убедительно доказал, что весь сборник был составлен в 1477 г. К мнению В. Л. Янина о дате составления сборника присоединился В. А. Кучкин¹⁴⁴. Однако исследователь отказался «усматривать в сборнике особую идеологическую и политически заостренную подборку исторических документов» и предложил, правда, без подробной аргументации, опровергающей однозначно наблюдения Л. В. Черепнина и В. Л. Янина, видеть в сборнике «обычный и необходимый материал для грамотного ведения дипломатических дел», «рабочий материал, который позволял московским дипломатам обосновывать свои требования на переговорах в Новгороде Великом зимой 1477/78 г. историческими документами»¹⁴⁵. То, какие именно требования обосновывали московские дипломаты в Новгороде, становится ясно из анализа «двинских» документов сборника и московско-тверского договора 1371 г., проведенного соответственно В. Л. Яниным и В. А. Кучкиным.

Мнения Л. В. Черепнина и В. А. Кучкина о характере сборника могут быть проверены следующим образом. В случае если сборник имел четкую политическую направленность, то это, очевидно, предполагало сознательное редактирование документов и следовало бы ожидать присутствия расширенной формы титула во всех документах, где упоминается великий князь. Таких документов в сборнике насчитывается 17. Из них 11 актов имеют в своем тексте расширенную форму титула¹⁴⁶. Обращает на себя внимание, что в 8 документах¹⁴⁷ великий князь не является адресантом (это: грамота Великого Новгорода о предоставлении «черного бора» с Новоторжских волостей от 1448—1461 г., договорные грамоты Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем о мире в Яжелбидях от 1456 г., грамота Великого Новгорода великому князю Ивану Васильевичу о сроках выплаты 15 тыс. руб. от 1471 г., договорные грамоты Великого Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем о мире от 1471 г.), в первой грамоте великий князь не выступает стороной договора, а лишь упоминается, но грамота имеет весьма существенное значение, поскольку связана с «двинскими» устремлениями Москвы (грамота Великого Новгорода Двинской земле о сложении крестоцелования на подданство Новгороду от 1471 г.). В заголовке Новгородской Судной грамоты упоминаются «великие князья всея Руси» Иван Васильевич и его сын Иван, но в том контексте, что им «сообщили» («Доложа господы великих князей...»¹⁴⁸). Только в 3 документах этой группы великий князь является адресантом (документы указаны выше). Титул «великий князь московский» имеется также в договорной грамоте короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом от 1456 г.¹⁴⁹, этот документ, очевидно, показывает тот титул великого князя, который использовался во внешнеполитических сношениях. Наконец, титул «великий князь» присутствует в грамоте великого князя Андрея Александровича Новгороду, грамоте Новгороду на Двину о поручении печорской стороны в ведение Михаила, грамоте Дмитрия Ивановича Андрею Фрязину о пожаловании его Печорою в кормление и в духовной грамоте Василия Васильевича¹⁵⁰. Таким образом, оказывается, что титул «великий князь всея Руси» присутствует в большинстве случаев в обращении Новгороду к великому князю и при этом в документах, имевших для великого князя первостепенную важность, поскольку они стратегически были связаны с распространением власти великого князя на Великий Новгород и на новгородские земли, т. е. призваны были реализовать определенную политическую цель, которую емко, на

великокняжеского наместника и посадника; 4) возможно, в каких-то обвинениях Новгорода в неполной расплате по контрибуции 1471 г. или нарушении сроков ее выплаты (Янин В. Л. Новгородские акты, XII—XV в.: Хронологический комментарий. М., 1990. С. 132).

¹⁴⁴ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 69—70.

¹⁴⁵ Там же. С. 70. Справедливости ради следует сказать, что Л. В. Черепнин, анализируя состав «двинских документов», отметил: «Совершенно очевидно, что это не отдельный документ, а своего рода сводка, имеющая специальное назначение, выборка по особому заказу, справка чисто практического характера» (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV в. Ч. 1. С. 337).

¹⁴⁶ ГВНиП. № 16, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 84, 88, 98.

¹⁴⁷ Там же. № 21, 22, 23, 25, 26, 27, 98; ПРП. Вып. 2.

¹⁴⁸ Об особенностях заголовка Новгородской Судной грамоты и его связи с текстом Коростынского договора 1471 г. см.: ПРП. Вып. 2. С. 227—228.

¹⁴⁹ ГВНиП. № 77.

¹⁵⁰ Там же. № 83, 85, 87, 93; ДДГ. № 62.

наш взгляд, определил В. Л. Янин¹⁵¹. В документах, которые, по всей видимости, такого значения не имели, титул содержится в общепринятой форме.

Вышеизложенные наблюдения над составом документов сборника 1477 г. дают нам основание не принять мнение В. А. Кучкина о «рабочем» характере сборника и, наоборот, согласиться с мнением Л. В. Черепнина и В. Л. Янина. По всей видимости, в канцелярии московского князя сознательно редактировали те документы, которые, во-первых, были крайне необходимы ввиду готовившегося похода, а во-вторых, были составлены не от лица великого князя. Трудно полагать, что в практике составления документов (к великому князю или по внутренним делам) в Новгороде пользовались титулом «великий князь всея Руси». Но другое дело — документы, в которых великие князья выступают адресантами, а таких документов всего три. Остается полагать, что единственно возможным объяснением наличия в них титула «великий князь всея Руси» может быть то, что эта форма титула присутствовала в документах уже в момент их составления, а в 1477 г. писцы точно переписали («слово в слово») текст грамот. Правомочность этого вывода доказывается, с одной стороны, исследованием В. Л. Янина о «двинских» актах, с другой — анализом договора 1371 г., проведенным В. А. Кучкиным. Возникновение Уставной грамоты Двинской земле 1397 г. было связано с подчинением великими князьями Белоозера в 80-х годах XIV в. «Двинские устремления Москвы, — пишет В. Л. Янин, — были теснейшим образом связаны с подчинением великими князьями Белоозера и Ростова. С переходом в московское подчинение этих княжеств их земельные владения на севере подпадали под московский суверенитет, что создавало повод для вмешательства великих князей в те конфликты, которые возникали из-за внедрения новгородцев в «ростовщины» и «белозерщины». Суверенные права Москвы в районах таких конфликтов расширялись по мере присоединения Белоозера в 80-х годах XIV в., покупки Сретенской половины Ростова в первой половине XV в., перехода на московскую службу отдельных ростовских князей младшей линии и, наконец, приобретения Борисоглебской половины Ростова в 1474 г.»¹⁵². Натиск Москвы на Двину в конце XIV в. закончился ее коммандацией, что и зафиксировала Уставная грамота. В связи с этим, надо полагать, не может быть случайностью то, что в Уставной грамоте Василий Дмитриевич был назван «великим князем всея Руси», поскольку с переходом Белозерского княжества в подчинение великому князю его территория неминуемо сливалась с территорией великого княжения, которое, в свою очередь, судя по летописным текстам, обозначалось термином «всея Руси» (об этом ниже). Если это так, то титул «великий князь всея Руси», отраженный в документе, фиксировал суверенные права московского великого князя на Двинские (и иные северные) земли, что было особенно актуальным ввиду ответных действий новгородцев (не случайно год составления Уставной грамоты ознаменовался крупным конфликтом Василия Дмитриевича с новгородцами, а те в 1397/1398 г. устроили поход в Заволочье «поискати... своей отчины и дѣдины»¹⁵³).

Еще более отчетливо политическую программу московских князей демонстрирует применение расширенной формы титула в 1371 г. «Титул “всея Руси” подчеркивал не только права на великое княжение именно московского князя, он указывал вообще на его верховенство, по крайней мере, среди княжеств Северо-Восточной Руси, Новгорода и Пскова, — пишет В. А. Кучкин, оценивая московско-новгородский договор 1371 г. — Эти притязания Дмитрия Ивановича на лидерство и выражение общерусских интересов становились особенно актуальными ввиду возможных действий Орды Мамаю, которая могла силой поддержать данные в ханском ярлыке права на великое княжение Михаила Александровича Тверского. Ис этой точки зрения признание Новгородом титула “великий князь всея Руси” за Дмитрием Московским в договоре “О одиначествѣ” явилось важным политическим завоеванием московской дипломатии»¹⁵⁴.

¹⁵¹ См.: Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли.

¹⁵² Там же. С. 385.

¹⁵³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 391.

¹⁵⁴ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 115–116.

В связи с экспансией великих князей в колониальные владения Новгорода стоит жалованная грамота великого князя Ивана Даниловича печорским сокольникам 1337/1339 г. На нее обратили внимание С. М. Соловьев и К. Н. Бестужев-Рюмин, но лишь как на документ, в котором впервые встретился титул «великий князь всея Руси». Эту грамоту обошел вниманием и Л. В. Черепнин, который лишь указал на ее существование в сборнике 1477 г. В. Л. Янин уточнил датировку грамоты, учитывая совпадение начальной клаузулы этой грамоты с грамотой Юрьеву монастырю¹⁵⁵.

Между тем исследователи не пытались определить обстоятельства появления грамоты. Ее содержание посвящено освобождению от любых форм повинностей сокольников, «кто ходит на Печеру»: у сокольников не имели права взимать повинности как новгородские должностные лица («ни кь старостѣ имѣ не тянути»), так и поверенные самого князя («ни биричь ихъ не поторговывать»). Эти люди, по всей видимости, находились под личной опекой Ивана Калиты, который поручил их некоему Меркурию.

Чрезвычайно важно обратить внимание на то, что жалованная грамота была выдана сокольникам, ходившим на Печору. Но Печора — одно из владений Новгорода, которые располагались за Онежским озером, а учитывая территориальные границы Заволочья — еще одной новгородской волости «за Волоком» (западной границей этих колониальных новгородских владений был Кенский волок)¹⁵⁶, Печора располагалась уже далеко за Северной Двиной. Что это были за территории? Договорные грамоты и более ранние документы (грамота Святослава Ольговича 1137 г. и приписки к ней, известные под названиями «Обонежский ряд» и «Бежецкий ряд»), как отметил В. Л. Янин, показывают, что земли «за Волоком» сначала находились под княжеской юрисдикцией. Однако с 1137 г. и до середины XIII в. эти северо-восточные волости были выведены из-под судебной юрисдикции князя, в отличие от территории Обонежского ряда, где князь распоряжался судебными доходами на основе обычного сместного с посадниками правопорядка¹⁵⁷. Неудивительно поэтому, что расширенная формулировка, дававшая великому князю право сбора дани «за Волоком»¹⁵⁸, содержится в грамотах, датированных временем чрезвычайного обострения отношений между Новгородом и великим владимирским князем¹⁵⁹. Северо-восточные новгородские волости являлись, судя по всему, «лакомым» куском для великих князей, поэтому не случайно, что в XV в. отношения Новгорода и Москвы неоднократно портились именно по причине столкновения интересов Новгорода и великих князей в Подвинье. Таким образом, наблюдение Л. В. Черепнина о непосредственном значении Уставной грамоты 1397 г. (оно заключалось в привлечении путем союза с двинским боярством на сторону московского князя Заволочья — стратегически и экономически важного для Москвы новгородского владения)¹⁶⁰ можно распространить и на грамоту Ивана Калиты, в связи с чем именование Калиты в ней «великим князем всея Руси» преследовало ту же цель — обосновать свой верховный сюзеренитет на территории великого княжения, в том числе и в Новгороде, который, по сути, являлся его частью. Эта грамота, в сущности, была прямым нарушением договора между великим князем и Новгородом, согласно одной из норм которого великим князьям было запрещено ездить «за Волок», они должны были туда посылать новгородца¹⁶¹.

¹⁵⁵ Янин В. Л. Новгородские акты. С. 164.

¹⁵⁶ О Кенском волоке и о территориальных границах Заволочья подробно см. в работе: Богданов С. В. К изучению термина «волок» письменных источников XIII–XV вв. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 2005. С. 236–241.

¹⁵⁷ Янин В. Л. Грамота Святослава Ольговича 1137 года // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 248–249.

¹⁵⁸ Под этим «волоком» в договорных грамотах подразумевается именно Кенский волок, а не Ламский Волок. Подробная аргументация этого наблюдения изложена в статье: Богданов С. В. К изучению термина «волок» письменных источников XIII–XV вв.

¹⁵⁹ В грамотах великих владимирских и тверских князей Ярослава Ярославича, Михаила Ярославича и Александра Михайловича содержится следующая норма: «А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца» (ГВНиП. № 1, 6, 7 и 14). В других же грамотах Михаила Ярославича и его внука Михаила Александровича присутствует иная формулировка, которая располагается в начале документа: «А за Волокь ти слати своего мужа изъ Новагорода въ дву носаду по пошлинъ; а опять ѣхати туды же на Новъгородъ; а с Низу ти не слати, слати новгородца» (Там же. № 9, 10 и 15).

¹⁶⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV в. Ч. 1. С. 402.

¹⁶¹ В связи с грамотой Ивана Калиты небезынтересно попытаться определить личности сокольников. Летописные тексты не дают такой возможности, хотя в ряде случаев встречаем такие имена, как Кондрат, Микита. Между тем берестяные

В связи с грамотой печорским сокольникам находится грамота великого князя Ивана Даниловича Юрьеву монастырю. Первоначально грамота была отнесена к 1338–1339 г., основанием для датировки послужило сообщение об отказе новгородцев выплатить «царев запрос»¹⁶². Л. В. Черепнин считал возможным датировать эту грамоту 1335/1337 г.: исследователь полагал, что грамота могла быть дана в тот момент, когда Калита находился с Новгородом в мирных отношениях, т. е. именно между 1335 и 1337 г., когда великий князь ходил походом на Двину¹⁶³. В. Л. Янин уточнил время появления грамоты, учитывая летописные данные об архимандритстве Есифа¹⁶⁴. С. З. Чернов рассматривает грамоту в связи с выяснением соотношения новгородской и великокняжеской юрисдикций на Ламском Волоке в XIV–XV в.¹⁶⁵ Исследователь приходит к выводу о том, что это соотношение не было неизменным и постепенно объем великокняжеской юрисдикции увеличивался за счет новгородской «половины»¹⁶⁶. Существенно в связи с этим то, что, по наблюдениям С. З. Чернова, первое такое сокращение прерогатив Новгорода имело место как раз в 30-е годы XIV в., о чем, по всей видимости, свидетельствует грамота Калиты Юрьеву монастырю.

Датировка этой и предыдущей грамоты является темой особого разговора. Здесь обратимся к выяснению обстоятельств появления грамоты. Как показывает содержание грамот, эти обстоятельства целесообразно определять не в связи с мирными отношениями Новгорода и Ивана Калиты, а, наоборот, в связи с конфликтами между ними: надо думать, что в мирных условиях Великий Новгород не поступил бы своими правами юрисдикции на своих землях. Речь в данном случае идет о затыжном

грамоты содержат имена новгородцев, которые не попали на листы летописей. Так, в грамотах № 344, 393 и 463 встречается имя Кузма (эти грамоты датируются рубежом XIII–XIV и XIV в.). Грамота № 393 имеет недописанное имя «Григо...», под которым можно подразумевать Григория или Григора. Кузма Твердиславиц фигурирует в летописных статьях под 6846/1338, 6848/2340 и 1348 г. — каждый раз в составе дипломатического посольства. В грамоте № 344 Кузьма выступает как одна из сторон «ряда» с братом автора послания Петра. В грамоте же № 463 речь идет о посадничьих деньгах, распоряжения на счет которых получают Кузьма и Федор. Публикаторы грамоты в комментарии справедливо отметили, что эта грамота могла исходить только от органов государственной власти, Федора и Кузьму этой грамоты авторы отождествляли с посадником Федором Тимофеевичем (он получал посадничью степень с 1385 по 1421 г.) и степенным тысяцким Кузьмой Терентьевичем (упомянут под 1418 и 1421 г.) (*Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (далее — НГБ) (Из раскопок 1961–1976 гг.). М., 1977. С. 60). При этом они допускали еще одну, но менее достоверную возможность отождествлять авторов грамоты с посадником Федором Ахмылом (занимал посадничью степень в 1329–1332 г.) и упомянутым выше боярином Кузьмой Твердиславицем.

Имя Степан встречается в грамотах № 59, 354, 366, 413 (рубеж XIII–XIV в., середина и вторая половина XIV в., начало XV в.), причем в грамотах № 59 и 354, очевидно, упоминается один и тот же человек, поскольку рядом с его именем встречается имя Омросия (Обросия). Грамота № 354 была написана Онцифором Лукичем — сыном известного посадника Луки Онцифоровича и постоянным представителем в посадничестве в 1343–1354 г. (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд.-е. М., 2003. С. 508). Онцифор Лукич известен походами на Вагу в 1342 г. (ПСРА. Т. 3. С. 355), на Ижеру против короля Магнуша в 1348 г. (Там же. С. 360). Т. е. Онцифор был связан с колониями Новгорода, откуда он и написал грамоту № 534. Интересно, что Онцифор приказывает Обросию взять или купить у Степана коней. В грамоте № 59 Омросий просит Степана взять его «сирот» на поруки, пока сам находится вне Новгорода. Наконец, из грамоты № 366 следует, что Степан «Таишинь» был послухом при заключении ряда. Таким образом, Степан может расцениваться как рядовой новгородец. Имя Микулица встречено в берестяной грамоте № 54 (1313–1340 г.), при этом Микулица — это сокольник (*Арциховский А. В.* НГБ (из раскопок 1952 г.). М., 1954. С. 57, 58).

Вероятную связь с грамотой имен Жил и Сава, упоминаемых в берестяных грамотах № 589 и 622 (середина XIV в.), отметил В. Л. Янин (*Янин В. Л., Зализняк А. А.* НГБ (из раскопок 1977–1983 г.). М., 1986. С. 50; *Янин В. Л.* Новгородские акты. С. 165). При этом В. Л. Янин подчеркнул, что комплекс усадеб, где была обнаружена грамота с упоминанием Жилы, постоянными и долговременными отношениями связан с северо-востоком Новгородской земли (*Янин В. Л., Зализняк А. А.* НГБ (из раскопок 1977–1983 г.). С. 50).

Если принять во внимание эти данные и попытаться сопоставить людей, упоминаемых в берестяных грамотах, с теми, кого Иван Калита перечислил в своей жалованной грамоте, то можно прийти к выводу, что в своей политике великий князь опирался на определенные боярские круги в Новгороде, чья поддержка им вознаграждалась.

¹⁶² ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. С. 1–2.

¹⁶³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV в. Ч. 1. С. 116–117.

¹⁶⁴ Янин В. Л. Новгородские акты. С. 164.

¹⁶⁵ Чернов С. З. Новгородская и великокняжеская «половины» Волока Ламского в XIII–XV в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. № 7 (17). С. 80–81.

¹⁶⁶ Там же. С. 86–87.

конflikте между великим князем и Новгородом 6840 (1332/1333) — 6841 (1333/1334) г., когда из-за «закамского серебра» Иван Калита, нарушив крестное целование Новгороду, захватил Торжок и Бежецкий Верх¹⁶⁷. При этом в Синодальном списке Новгородской первой летописи захватнические действия Калиты летописцем оправдываются как совершенные «за новгородскую измену»¹⁶⁸. Меры, предпринятые Калитой против Новгорода, носили вполне традиционный характер: в 1196 г. изгнанный из Новгорода Ярослав Владимирович княжил в Новом Торге — «в своей волости», при этом он «дань поима в всей волости: по Върху, Мъсте, и за Волокомъ възьма дань»¹⁶⁹; в 1216 г. Ярослав Всеволодович избивал мужей в Новгороде, Торжке и «на Волоцѣ». Князь, по всей видимости, захватил Волок, поскольку у Ярослава требовали отпустить плененных им новгородцев и новоторжцев, а также вернуть новгородские волости, в том числе и Волок¹⁷⁰; весной 1229 г. действия новгородцев и появление в Новгороде черниговского князя вызвали недовольство Ярослава Всеволодовича, которое, судя по всему, вылилось в захват Волока весной 1229 г.¹⁷¹ Вот какие требования предъявило Ярославу посольство, приехавшее в Переяславль из Новгорода, где в то время княжил Михаил: «И посла къ Ярославу Нездилу Прокшинеца, Иванка Тудорковица, река: “отступитися Волока, и что есть новгородьскаго за тобою, силою еси зашьль, а крестъ цѣлуи”»¹⁷². По всей видимости, новгородцы опять-таки требовали возвращения под свою юрисдикцию Волока.

Захватом Волока, распространением на него своего суверенитета Ярослав Всеволодович оказывал давление на Новгород, который принял другого князя. Этот же прием был использован в ходе борьбы за владимирский и новгородский столы между Василием Ярославичем и Дмитрием Александровичем в 1273 г.¹⁷³, а затем между Дмитрием и Андреем Александровичами в 1293 г.¹⁷⁴ (Волок был возвращен Новгороду Андреем Александровичем после утверждения на новгородском столе: «И взяша мир, а Волок опять Новугороду»).

Новгород, естественно, сопротивлялся любым проявлениям распространения власти князей на республиканские владения. Неслучайно в формуляре договора между великим владимирским князем и Новгородом, сложившемся уже в 60-е г. XIII в., оговаривались принципы совместного владения Волоком и другими новгородским волостями¹⁷⁵.

Таким образом, захват новгородских волостей Торжка, Бежецкого Верха и Волока в конце XII и в XIII в. был традиционным приемом борьбы князей с Новгородом. Так же поступали князья в XIV и XV в. Показательны в этом отношении события 1397¹⁷⁶ и 1434—1435 г.¹⁷⁷ В ходе таких захватов юрисдикция над этими волостями полностью переходила в руки князей, которые реализовывали ее в сборе дани. Аналогичным образом поступил и Иван Калита: захватил Торжок, Бежецкий верх и в 1333 г. сел на княжение в Торжке¹⁷⁸. По аналогии с событиями 1216, 1229 и 1293 г. Калита должен

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 344—345.

¹⁶⁸ Там же. С. 99.

¹⁶⁹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. С. 177. В Лаврентьевской летописи это событие датировано январем 1197 г. (ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 414). Под упоминаемым здесь и в актах (в грамоте Калиты, в частности) Волоком можно подразумевать и *Вышний Волок* и *Ламский Волок* (о «волоках» русских письменных источников подробно см.: Богданов С. В. К изучению термина «волок» письменных источников XIII—XV вв.).

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 56; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 266; ПСРЛ. Т. 4. С. 188; ПСРЛ. Т. 42. С. 108.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 68, 275.

¹⁷² Там же. С. 68.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 4. С. 242. Василий Ярославич разорил Торжок и посадил в этом городе своих тиунов, а его союзник тверской князь Святослав Ярославич «воевал» новгородские волости Волок, Бежецк, а также Вологду.

¹⁷⁴ Там же. С. 327—328; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 363.

¹⁷⁵ ГВНП. С. 9.

¹⁷⁶ «...И князь великий на крестьномъ цѣлованьи у Новагорода отнял Волокъ Ламьскыи и с волостьми, Торжокъ с волостьми, и Вологду и Бѣжичькыи верхъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 389—390).

¹⁷⁷ В эти годы Василий Дмитриевич (потерявший великое княжение) «много пограби, едучи по Мъсте и по Бежицкому Верхе и по Заволочью», а затем мирился с новгородцами и обещал отступить от новгородской отчины «Бежецкого Верха и на Ламьском Волоке и на Вологде» (ПСРЛ. Т. 4. С. 434).

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 99, 345.

был захватить и Волок. В свете этих данных, которые не были учтены Л. В. Черепниным, представляется более убедительным вывод этого исследователя о том, что политический смысл этой грамоты заключался в стремлении московского князя укрепить свои позиции в пределах Волока, а жалованная грамота является одним из документов, отражающих стремление Ивана Калиты к расширению своих великокняжеских прав в Новгороде¹⁷⁹. При этом свою власть Калита одномоментно распространял не только на Волок, но и на Заволочье. Об этом позволяет говорить то, что грамоты сокольникам и Юрьеву монастырю, по-видимому, были выданы Калитой в одном году: В. Л. Янин полагает, что в 1335 г., по всей вероятности, это могло произойти до февраля 6842/1335 г., когда состоялось примирение Новгорода с великим князем¹⁸⁰.

Расширение прав великого князя на новгородских землях вступало в противоречие с условиями договоров между Новгородом и великим князем, поэтому должно было иметь веское обоснование. Представляется возможным в качестве такового рассматривать расширенную форму титула великого князя, которая, по всей видимости, и была призвана сделать правомерным расширение великокняжеских прав на территории, преимущественными правами юрисдикции на которых обладал Великий Новгород. Прямой аналогией этому является, на наш взгляд, Уставная грамота Двинской земле Василия Дмитриевича.

Таким образом, применение титула «великий князь всея Руси» в Уставной грамоте Двинской земле, в грамоте печорским сокольникам и в договоре «О одиначествѣ» было обусловлено исторической ситуацией, когда великим князьям было необходимо, с одной стороны, показать свое верховенство на территории великого княжения или даже распространить его на земли Новгородской республики, с другой — отстоять свои преимущественные права на великий стол. В свою очередь, появление такой

¹⁷⁹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV в. Ч. 1. С. 116. Этот вывод заставляет более пристально рассматривать и адресат грамоты — им был Юрьев монастырь. В связи с этим следует подчеркнуть, что в тексте Синодального списка Новгородской первой летописи действия великого князя оправдываются, но эта запись содержится на листках, дополнительных к основному объему списка и имеющих, что более существенно, происхождение из Юрьева монастыря (ПСРЛ. Т. 3. С. 99). Исследователями отмечено отношение Синодального списка к Юрьеву монастырю (Троцкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отделение общественных наук. Л., 1933. № 5. С. 359; Гиннцус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. № 6 (16). С. 28—34). Д. С. Лихачев считал эту запись результатом работы московского цензора XV—XVI в. (Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 184), но этому мнению противоречит характер самой записи на пергамене: она написана по выскобленному тексту (в младшем изводе — «через крестное целование», т. е. противоположная оценка) до того, как был написан текст статьи 6845/1337 г. на оборотной стороне листа. Учитывая эту кодикологическую деталь, В. Водов усмотрел в ней следы промосковской интриги, которая была связана с Юрьевым монастырем (ссылка на мнение В. Водова приводится по: Гиннцус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 18). Некоторые, но весьма шаткие, аргументы в пользу мнения В. Водова дает летописное сообщение о посольстве к Ивану Калите, которое в 1333 г. ездил в Торжок, где сел князь, уговаривать князя вернуться на княжение в Новгород: вместе с Федором Твердиславичем и Лукой Варфоломеевым в Торжок ездил Юрьевский архимандрит Лаврентий (ПСРЛ. Т. 3. С. 345), но переговоры закончились ничем. Мир наступил лишь в феврале 1335 г. (Там же. С. 346). В связи с этим сообщением и принимая во внимание запись о «новгородской измене», можно полагать, что Юрьевский архимандрит — Иосиф — был настроен по отношению к великому князю союзнически и оказывал ему поддержку. Не исключено, что Иван Калита приобрел в лице Юрьева монастыря — важного органа в системе новгородского управления (Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 142 и след.) — солидную поддержку в проведении великокняжеской политики. В свою очередь, монастырь мог получить от великого князя широкие гарантии своих прав в монастырских владениях на Волоке Ламском (существенно, что в грамоте не говорится о земельных пожалованиях, в ней монастырские владения значатся как уже существующие, грамота, таким образом, должна считаться не жалованной, а несудимой). Видимо, не случайно получателем грамоты стал архимандрит Иосиф (Есиф). В этом отношении любопытным является сообщение Новгородской первой летописи о его аресте в 1337 г. юрьевскими монахами. Судя по данным Синодального списка, инициатором этого действия был архимандрит Лаврентий, ездивший с посольством в 1333 г. в Торжок. Иосифа обвиняли в том, что он копал яму «под другом» (ПСРЛ. Т. 3. С. 99, 347). Не имеются ли здесь в виду промосковские интриги, инициатором которых был Есиф, ставший архимандритом после 1333 г., и не мог ли он получить за свою поддержку Москвы иммунитет и великокняжескую защиту на Ламском Волоке? Думаем, что да. Интересно в связи с этим то, что как реакция на арест Иосифа звучит в летописном тексте сообщение о том, что «той же зимы розратися князь великий Иванъ с новгородци и посла рать на Двину за Волокъ, не помянув крестнаго цѣлования» (Там же. С. 347). В 1338 г. архимандрит Лаврентий умер и на архимандритство вновь посадили Есифа (Там же. С. 349).

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 346.

формы титула было еще и важным дипломатическим инструментом: он применялся, как видно, в кризисных ситуациях, когда иных аргументов в свою пользу у московских дипломатов уже не было¹⁸¹.

Выводы, которые следует из анализа документов, касающихся Новгорода, нельзя автоматически распространить на докончание Семена Ивановича с братьями Иваном и Андреем и докончание великого князя Василия Дмитриевича с князем галицким Юрием Дмитриевичем 1390 г. Анализу этих документов посвящены обстоятельные работы В. А. Кучкина¹⁸², поэтому нет смысла обращаться к их анализу. В. А. Кучкин показал, что первое соглашение было порождено острой ситуацией внутри московского княжеского дома, второе — резким обострением отношений с Новгородом, хотя следует отметить, что к Новгороду докончание Василия и Юрия Дмитриевичей не имело никакого отношения, оно фиксировало лишь военный союз двух братьев. По поводу применения расширенной формы титула в докончании Василия и Юрия В. А. Кучкин пишет: «Возросшая роль великого князя подчеркнута в договоре его титулом: “кн(л)зь велик(ии) Василии Дмитриевич всел Руси”. Титул “всел Руси” был использован отцом Василия Дмитрием Ивановичем в его соглашении “О одиначествѣ” 1371 г. с Новгородом Великим. Титул указывал на принадлежность высшей власти над князьями Северо-Восточной Руси, Новгородом и Псковом московскому князю»¹⁸³. В отношении московско-новгородского докончания с выводом В. А. Кучкина нельзя не согласиться. Что же касается докончаний московских князей между собой, то эту мысль подтвердить не удастся. Во-первых, расширенная форма титула, как показывает статистический анализ, не применялась в «повседневной» внутренней юридической практике, ее применение было скорее «анормальным». Во-вторых, расширенную форму титула из всех известных докончаний середины XIV — начала XV в. имеют только докончания 1347 и 1392/1393 г., т. е. здесь видна явная непоследовательность (очень показательна в этом смысле, что во всех других докончаниях, заключенных великим князем с князьями московского княжеского дома, присутствует титул «великий князь» (и при этом предок великого князя также называется великим князем, ср.: «А чимъ мл бл(а)г(о)с(ло)вилъ о(те)ць мои, кнлз(ь) велики...»), вторая сторона договоров имеет титул «князь»; в случае, если расширенная форма титула имела постоянное хождение внутри Московского княжества, ее можно было ожидать в каждом докончании, однако этого нет). В-третьих, княжеские докончания фиксировали отношения только между князьями московского княжеского дома, т. е. своим титулом старший князь мог показать только высшую власть в Московском княжестве, но не в Северо-Восточной Руси. В этом случае титул, который должен был обозначать высший сюзеренитет на территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, этой силы на территории удельного княжества уже не мог иметь, значит, он использовался Семеном Ивановичем и Василием Дмитриевичем вне рамок юридической практики, сугубо по личной или чьей-то иной инициативе (не исключено, что митрополитов).

Таким образом, рассмотренный актовъ материал позволяет утверждать, что титул «великий князь всея Руси» применялся великими князьями в юридической практике до конца 70-х годов XV в. лишь в самых необходимых случаях: при распространении своей власти на земли «заволочских» колоний Великого Новгорода (Двина¹⁸⁴ и Печора) и на Волок (Вышний или Ламский), а также в кризисные для власти московских князей ситуации (получение Михаилом Александровичем ярлыка на великое княжение в 1371 г.). В первом случае вполне объяснимо, что практически все рассмотренные документы,

¹⁸¹ Как отмечает В. А. Кучкин, договоры 70-х годов XIV в. отразили достаточно сложное положение московского правительства (см.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 330).

¹⁸² См.: Кучкин В. А. Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галицким князем Юрием Дмитриевичем // Средневековая Русь / Отв. редактор А. А. Горский. М., 2006. Вып. 6. С. 155–177; В. А. Кучкин. Договор 1348 г. между великим князем Симеоном Ивановичем и его братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. Вып. 8 (в печати).

¹⁸³ Кучкин В. А. Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галицким князем Юрием Дмитриевичем. С. 175.

¹⁸⁴ Довольно интересно вспомнить грамоту Ивана III Воскресенскому монастырю на Пинеге, где, как указывалось в начале статьи, содержится титул «Великий князь всея Руси». С. М. Каштанов отметил, что монастырь был расположен в Двинской земле, где существовало совместное владение Новгорода и великого князя (Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. С. 130). Надо полагать теперь, что присутствие расширенной формы титула в этой грамоте также не случайно.

содержащие расширенную форму титула, находятся в плоскости отношений великих князей с Великим Новгородом, что само по себе показательно и заставляет во многом признать мнение С. М. Кашганова, с той лишь оговоркой, что общерусские претензии¹⁸⁵, выраженные в рассматриваемом титуле, сосредоточивались великими князьями почти исключительно на Новгороде. Во втором случае показательно, что в период феодальной войны середины XV в., а именно начиная с 1447 г., на монетах Василия II стала чеканиться надпись «господарь всея Руси». Ее появление, по мнению Г. Алефа, было обусловлено политической необходимостью — борьбой с соперником (Г. Алеф отмечает также появление на монетах собственно титула «господарь»)¹⁸⁶. Но совершенно так же и Дмитрий Шемяка отстаивал свою власть, декларируя свои права на престол посредством монетной легенды (на ней обозначено «князь великий Дмитрий Юрьевич»)¹⁸⁷. Московские князья пользовались расширенной формой титула и без крайней на то необходимости — не только в отношениях внутри московского княжеского дома. В целом во внутренней юридической практике расширенная форма титула ими не использовалась, поскольку в этом до определенного времени не было необходимости (в 80-е годы XV в. этот титул стал общеприменимым). Учитывая сказанное, имеет смысл рассматривать титул «великий князь всея Руси» как мощный идеологический инструмент в объединительной политике князей Москвы применительно к периоду середины XIV — конца XV в.

Вместе с тем было бы не вполне правильно завершить изложение материала на этом, казалось бы, очевидном выводе. Может ли быть все-таки так, что великокняжеский титул с определением «всея Руси» соответствует реальной политической практике XIV—XV в. (и, возможно, даже XII—XIII в.¹⁸⁸) и что этим титулом именовались великие князья, занимавшие высшую ступень политической иерархии¹⁸⁹, т. е. «стоявшие» выше *других* великих князей? Это, как кажется, вполне логично. Между тем принятию этого предположения препятствует изложенный фактический материал о статистическом распределении расширенной формы титула в актах, с одной стороны, и имеющиеся документы — с другой. Так, докончание Дмитрия Ивановича с тверским князем Михаилом Александровичем было заключено как договор «великого князя» с «великим князем», в этом же договоре указан еще один великий князь — Олег Рязанский¹⁹⁰. Такой же порядок титулования князей сохранен и в докончании Василия Дмитриевича с Михаилом Александровичем¹⁹¹. Исключительно «великие князья» фигурируют и в договоре Василия Дмитриевича с князем рязанским Федором Ольговичем¹⁹². Очень показательно в связи с этим, что в договорах великих князей с князьями из московского княжеского дома последние титулуются просто князьями. Эти данные позволяют достаточно уверенно говорить о том, что в политической практике в отношениях между великими князьями (владимирским, тверским и рязанским) «третий князь» — «великий князь всея Руси» — не выделялся, значит, не было его и в великокняжеской иерархии. В этом не было и необходимости, поскольку *иные* великие князья по отношению к владимирскому великому князю в договорах называются «братией младшей», а великий владимирский князь — «братом старейшим», этим и определялось место каждого из великих князей в реальной системе княжеских отношений. Это наблюдение является, на наш взгляд, еще одним аргументом в пользу правомерности вывода о сугубо идеологической значимости титула «великий князь всея Руси» вплоть до последней четверти XV в.

¹⁸⁵ Мысль об отражении в титуле с определением «всея Руси» общерусских, а не северорусских претензий, высказал Х. Ловмянский (см.: *Ловмянский Х.* Русско-литовские отношения в XIV—XV в. С. 271).

¹⁸⁶ *Алеф Г.* Политическое значение надписей на московских монетах эпохи Василия II // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 601—602.

¹⁸⁷ Там же. С. 601.

¹⁸⁸ Об этом, видимо, говорит С. Н. Кистерев, завершая свою статью следующей фразой: «Вывод об использовании сначала киевскими, а потом владимирскими князьями титула с дополнением “всея Руси” предполагает дальнейшее изучение вопроса о реальном наполнении этого титула и места его обладателя в правящей элите Русского государства» (*Кистерев С. Н.* «Великий князь всея Руси» в XI—XV веках. С. 85).

¹⁸⁹ Примечательно, что о такой иерархии можно говорить по отношению к Московскому княжеству: докончание Семена Ивановича с братией фиксирует иерархию «старейший князь» — «младшая братия», но в позднейших докончаниях эта иерархия является уже более развитой: «великий князь/старейший брат» — «князья/младшая братия».

¹⁹⁰ ДДГ. № 10. С. 29—30.

¹⁹¹ Там же. № 15. С. 40—41.

¹⁹² Там же. № 19. С. 52.

